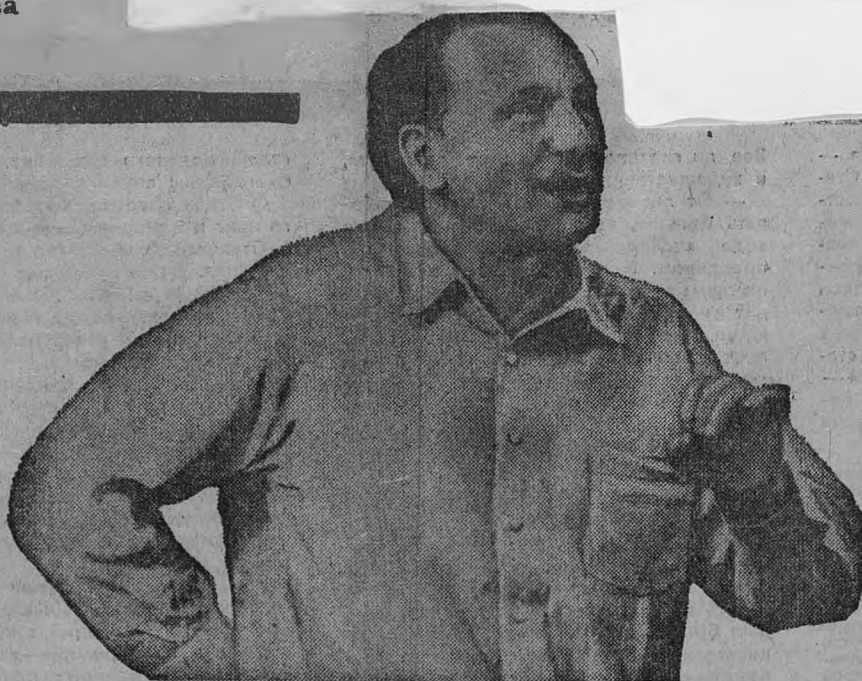

ИСКУССТВО

XX ВЕК И ПЕСНИ БУША

«ЗОЛОТОЕ
ГОЛУБЬ»
ФЕСТИВАЛЬ
В ЛЕЙПЦИГЕ

шей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы.

Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

щей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

щей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

щей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

щей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

щей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

щей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

Р. ПОСПЕЛОВ,
специальный корреспондент «ЛГ»
ЛЕЙПЦИГ — МОСКВА

щей даты атомной бомбардировки Хиросимы и решения администрации Рейгана о производстве нейтронной бомбы. Специальная премия жюри присуждена советской картине «Мы не сдаемся, мы идем», которая уже рецензировалась на страницах «ЛГ». Еще одна наша лента — «Когда я оглядываюсь на свою жизнь», посвященную выдающемуся негринскому антеру Гарри Белафонте, и работе кинематографистов ГДР «Два дня в августе», публицистически связываю-

В ПЕРВЫЕ, кажется, на Лейпцигском фестивале не было Конрада Вольфа (Кони — так ласково звали его знакомые и незнакомые), талантливого кинорежиссера, пламенного интернационалиста, президента Академии искусств ГДР. Он умер в разгар работы над большой документальной телевизионной картиной, на середине своего шестого десятилетия.

Впервые, пожалуй, Конрад Вольф был столь активным непосредственным участником фестивальной программы. Шесть часов подряд шел в зале лейпцигского кинотеатра «Капитоль» его новый фильм, заверченный помощниками и друзьями.

«Поет Буш» — называется эта картина. Надо ли представлять читателям ровесника двадцатого века, немецкого певца и актера Эрнста Буша? У старшего поколения он до сих пор на слуху. Молодежь, правда, знает его больше по пластинкам. Экраном впечатление увеличивается многократно.

Голос Буша определяет всю атмосферу вдохновенной шестичасовой ленты. Не чеканная мощь звука, богатство интонаций, безупречность фразировки и дикции поставили его в когорту крупнейших художников эпохи. Голос этот воистину «поднимает класс».

Политические песни, созданные исполнителем вместе с Хансом Эйслером, Бертольтом Брехтом, Иоганнесом Бехером, Эрихом Вайнертом, Куртом Вейлем, Паулем Дессау, другими замечательными композиторами и поэтами в двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые годы, становились оружием борьбы. В голосе Буша — воля, энергия, гнев, боль, сарказм, улыбка, надежда... Единодушно отзывались ему переполненные залы Берлина, Парижа, Мадрида, заводы вставали, шеренги смыкались».

Шесть фильмов, составивших картину «Поет Буш», выстроены в хронологической последовательности. Утро века, первые два десятилетия жизни молодого рабочего кильских верфей. Потом — двадцатые годы, приезд в Берлин, работа в «Политическом театре»... Трагедия Германии, приход к власти нацистов и вынужденная эмиграция. Буш — солдат интернациональной бригады в Испании. Вторая мировая война, фашистские концлагеря и тюрьмы, из которых освободили 1945-й, Советская Армия. Наконец, последний фильм — жизнь, работа Буша в новой, социалистической Германии.

Старая хроника, однако, не бывает всего лишь музейной ценностью, равнодушным фиксатором времени. Хлеб — воду, зерно сжигают свиньи, его поли-

вают креозотом, а рядом тысячи голодных людей собирают объедки в мусорных ящиках. Снято в начале века, а мысль зрителя упорно возвращается к дню сегодняшнему. Когда Буш — кайзеровский солдат в немом фильме «Ничейная земля» остервенело сбрасывает с головы каску, когда кинокамера панорамирует бесконечные могилы жертв первой мировой войны под Верденом, можно ли не вспомнить дальнейшее? Когда показывают расстрел Ноябрьской революции в Германии, кровавый шашлык фашизма, понятно, почему вслед за этим идут кадры, снятые в Сальцбурге буквально несколько месяцев назад. В картине точно и убедительно прослежено единство антимилитаристских и революционных убеждений Буша. Его искусство партийно в высоком, ленинском смысле этого слова.

Советскому зрителю, конечно, дорого, что красной нитью проходит через все фильмы нескрываемая нежность Буша к родине Октября, неотрывность его судьбы от судеб людей первой в мире страны социализма.

Вместе с красным флагом «Потемкина» на экран врывается наш старый «Комсомлотский марш»: «Вперед же по солнечным реям на фабрики, шахты, суда! По всем океанам и странам развеваемы алое знамя труда». С хроникой естественно стыкуются незабываемые художественные кинокадры — надвигающиеся ряды капеллецев, Анка у пулемета, Чапаев в лихой атаке... А Буш поет: «От края и до края...»

Разрушенные кварталы Сталинграда, скорбные памятники Хатыни, потемневший от копоти, выщербленный пулями и снарядами рейхстаг. А Буш поет: «Эх, дороги...»

А Буш поет: «Я уходил тогда в поход...» Наши солдаты спустя десятилетия вспоминают с экрана о том, как освобожденный из Бранденбургской тюрьмы ничем не примечательный немец средних лет, худой, изможденный, вместо документа «предъявил» «Песню Единого фронта», как ожило в них то, что осталось где-то так далеко, в предвоенных днях, но, оказывается, не пропало, не забылось в смертельной, непримиримой схватке с фашизмом.

Эту легендарную «Песню Единого фронта» — «Drum links! Zwei! Drei! March! Встань в ряды, товарищ, к нам! Ты войдешь в наш Единый рабочий фронт, потому что рабочий ты сам...» — мы услышим в фильме не раз. В момент речи Димитрова на конгрессе Коминтерна, и когда встретимся с ветеранами испанских интербригад, и у памятника советскому воину-освободителю в берлинском Трапаль-

е, и в освобожденном Сайгоне, и в городе Хошимине, где ликуют, сбрасывая с пьедестала мрачную фигуру солдата-агрессора, солдата-убийцы. Поседевший Буш будет петь ее на разных языках детям и внукам своих соратников по борьбе и распряжится, подзадорит лукавым жестом: мол, что же вы, ничего не слышу, подпевайте! Тогда в едином порыве ответится ему и этот зал.

Работа, которую режиссер Конрад Вольф сам так и не успел завершить, показала, что в нем жил интересный и своеобразный документалист. Ему не хватало, скажем, оригинального материала, связанного с послеиспанским периодом биографии Буша, с годами войны, и он не испугался слить его с миром, созданным воображением художника. Он неторопливо повторит путь, которым уходили из Испании последние бойцы, задержится на месте бывших лагерей в Пиренеях, где содержались интернированные республиканцы, придет на старое кладбище где-то под Тулузой... Он вспомнит свою нелегкую юность, путь к родине вместе с Советской Армией девятнадцатилетнего сына выдающегося немецкого писателя-эмигранта Фридриха Вольфа. Он позволит себе поразмыслить и помолчать на экране, не спеша оглянуться вокруг, чтобы мы, зрители, посмотрели его глазами, задумались его мыслями.

Конрад Вольф нашел кинокадры, как бы иллюстрирующие давние стихи Константина Симонова «В Берлине, на холодной сцене, пел немец, раненный в Испании...», посвященные Бушу. Пройдет немало лет, они встретятся на той же берлинской сцене, взволнованный Константин Михайлович скажет о том, как дороги песни Буша его поколению!